

С.С. Крюкова

Девичья честь в русской деревне второй половины XIX в.: историко-культурная идентификация понятия¹

*Честь развивается из потребностей общества
и сопровождается целой историей²*

Честь — сложная, многозначная этическая категория, получившая разные толкования. Не вдаваясь в тонкости ее трактовки, происхождения и эволюции, приведем лишь определение В.И. Даля, современника выбранного нами исторического периода (второй половины XIX в.): честь — это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть», одновременно «условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое»³. В этой интерпретации читается двоякий смысл: это и а priori качество личное, присущее конкретному человеку, и качество относительное, переменное, моделируемое историко-культурным контекстом эпохи, пространства, обстоятельств и пр. Последнее — т.е. социально-культурная обусловленность понятия «честь», выраженная в специфике его фактических внешних проявлений, в данном случае применительно к русской деревне пореформенного периода, — и будет находиться в центре нашего внимания.

Крестьянская культура, представляя по своему типу, согласно одной из антропологических классификаций, культуру стыда, до середины XIX в. покоилась на системе ценностей, основанной на понятиях чести и славы (в отличие от культуры вины, для которой характерна апелляция к нравственным нормам, установленным законом)⁴. Честь имела важнейшее значение в системе морально-нравственных установок русских крестьян, соединенных глубинными связями с христианской православной этикой.

Представления о чести, принятые деревенским сообществом, регламентировали порядок взаимоотношений, опирающийся на такие существенные регулирующие механизмы, как репутация и общественное мнение. (Следует заметить, что в деревне до сих пор выражение «мне от людей стыдно» актуализирует соционормативную функцию стыда.)

Немаловажным для осмысления понятия «честь» представляется его рассмотрение в рамках дихотомии «честь»/«бесчестье».

В этом взаимодействии проявляется конкретно-исторический смысл их социальных функций. В русской деревне бесчестье было равноценно позору/стыду. Близость понятий «стыд» и «честь» прослеживается в некоторых народных крылатых выражениях: «пора и честь (стыд, совесть) знать», «за честь (за стыд) голова погибает», «стыд та же смерть и бесчестье та же смерть»⁵. В этом ряду следует обратить внимание на пословицы «в ком есть Бог, в том есть стыд» и «в ком есть страх, в том есть Бог»⁶. Обращение к Богу в связи с понятиями «честь»/«стыд»/«страх» бесспорно указывает на значимость православного компонента в природе крестьянских соционормативных канон.

Обычное право, ставшее предметом пристального внимания отечественных правоведов в русле подготовки и проведения Великих реформ, служит наглядным примером того, как функционировал крестьянский мир: руководствуясь прежде всего принципами, заложенными православием, в своих оценках справедливости он зачастую апеллировал не

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00455.

² Духовской М. В. Понятие клеветы или преступление против чести. Ярославль, 1873. С. 3.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // <https://slovari.yandex.ru>

⁴ Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 57.

⁵ Даль В. И. Избранные пословицы русского народа. М., 2012. С. 246.

⁶ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957. С. 306.

к букве закона, а к нравственным категориям «честь», «бесчестье», «стыд», «позор», «срам», «обида» и пр. К сожалению, устная традиция, преобладавшая в русской деревне второй половины XIX в., не позволяет проникнуть в сферу крестьянской репрезентации чести напрямую. Однако этот пробел отчасти восполняют этнографические описания деревенской жизни (хотя они проливают свет на интересующие нас вопросы опосредованно – глазами современников). Кроме того, некоторые сведения о крестьянском понимании чести, ее наиболее типичных чертах и проявлениях в конфликтных ситуациях содержат судебные документы. Иски крестьян о бесчестье и восстановлении доброго имени при общей нелюбви деревни к судам говорят об их стремлении защитить свою честь, а конкретные судебные тяжбы по поводу нанесенной обиды (оскорбления) позволяют «измерить» ее параметры.

Изучение материалов судебных дел и этнографических описаний второй половины XIX в. дает возможность выделить несколько разновидностей и даже уровней понятия «честь», ее основные составляющие применительно к разным социальным группам (честь личная – девичья/женская/мужская; семейная/родовая; общественная – честь «мундира»; честь мира), а также институты ее защиты и способы восстановления (от суда общины до суда окружного). В этом ряду крестьянские представления о девичьей чести, хотя и наиболее известны по литературе, высвечены фрагментарно. Эту тему затрагивали в контексте рассмотрения брачно-семейных отношений, свадебной обрядности, христианского мировоззрения крестьян, а также в описаниях обычно-правовой практики и этических ориентаций общины⁷.

В историографии в качестве определяющей характеристики девичьей чести превалирует добрая целомудренность девушки, свидетельствующая о ее духовной чистоте и нравственности. Это обязательный атрибут девичьей чести и главный, определяющий ее

признак. Подобное требование к физиологическому состоянию девушки было предопределено важнейшей, определяющей ролью института семьи в жизни крестьян. Вступление в брак и создание семьи понимались ими как априорная основа и естественная форма человеческого существования, безбрачие же расценивали как отклонение от общепринятой нормы. Крестьяне признавали семью «делом великим, данным от Бога»⁸. Их представление о недопустимости добрых интимных контактов было сформировано под воздействием христианских заповедей, согласно которым любые добрые и внебрачные связи приравнивались к «блуду». Обряд венчания еще более усиливал страх Божьего наказания за нецеломудрие⁹.

Сохранились многочисленные свидетельства из различных губерний о резком осуждении деревенских девушек, пренебрегших правилами общественного поведения. Так, по сведениям из Калужской губ., если узнавали об утрате девушкой девственности еще до свадьбы, считали это «срамом», «позором». Это влекло за собой ряд неприятных для нее последствий, предопределяло ее дальнейшую судьбу: «Такую девушку не возьмут замуж парни своей деревни. Если и удастся выйти такой девушке, то разве в чужую далекую деревню, да и то больше за вдовца. Подруги начинают сторониться. “Ты, девушка, не водись с Анюткой, – она «балует» и про тебя будут говорить, как про нее, если ты будешь ходить с ней, – она на добро не научит: у ней хвост замазан”, – говорят между собою девки. Бабы любят подшутить над такими девками: “Коса-то у тебя, девка, одна, да должно быть ты сама-то без дна...” При ссоре ее попрекнут проступком и назовут “подкладнем”, “сволочью”, “потаскухой”. Часто таким девушкам рвут на улице вечером платки, сарафаны, иногда по злобе, а чаще из-за шутки, по глупости. Родители побьют жестоко девку, бранят ее при всяком случае, семейные тоже упрекают: “Осрамила, опоскудела всю семью, поскуда нестоящая!” Даже сестры и те: “Замарала свой хвост! И нас-то через тебя не возьмут!”»¹⁰

⁷ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 94–100; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 352–354; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. Л., 1988. 242–245; Макашина Т.С. Свадебный обряд // Русские. М., 1997. С. 489–490; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва-Тамбов, 2004. С. 284–290; Власова И.В. Крестьянская семья в XIX – начале XX в. // Русский Север: этническая история и народная культура XII – XX века. М., 2001. С. 432–436; Листова Т.А. Народный православный обряд создания семьи // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 25–26; Пушкарева Н.Л. Позорящие наказания для женщин в России XIX–XX в. // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). СПб., 2011. С. 190–217 и др.

⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1464. Л. 8.

⁹ Листова Т.А. Указ. раб. С. 25–26.

¹⁰ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы / Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Калужская губерния. Т. 3. СПб., 2005. С. 555.

В Тверской губ. крестьяне, почитая за «грех» и «стыд» добрачную физическую близость, подвергали потерявшую девственность девушку ostracism: к таким «соседи относятся со злорадством, подруги и парни – с насмешкой, а родители ругают за это... Родившую женщину тоже не хвалят за прелюбодеяние... тем не менее, к ней относятся гораздо снисходительнее, чем к родившей девушке»¹¹. В Олонецкой губ. их тоже сопровождало всеобщее презрение: «Девушку, которая окажется беременной, родители без всякой жалости изгоняют из дома и весьма редко принимают ее обратно, в среду семьи. Беременность девушки считается позором не только ее, но и всей семьи и даже всей деревни. На нарушение целомудрия у парней смотрят более снисходительно, и связь парня с чужой девушкой, например, с прислугой из другого уезда или волости, ставится ему не в вину, а как бы даже делает виновника героем»¹². Согласно информации из Псковской губ., «потерявшая девственность покрывает себя несмываемым пятном, если только обольстителю не возьмет ее замуж. Девичьи наряды забеременевшей девушке носить воспрещается. Если парень откажется жениться на обольщенной девушке, то родственники ее мстят обольстителю побоями, но до судебного процесса не доходят, равно, как никогда не требуется от обольстителя уплаты известной суммы». «Деньгами бесчестия не покроешь», – говорили крестьяне в подобных ситуациях¹³. Таким образом, если физиологическая составляющая целомудренности была основным критерием девичьей чести, то ее отсутствие – клеймом бесчестия, свидетельством греховности ее носительницы.

В Рязанской губ., как и в других земледельческих губерниях России, репутация девушки оказывала решающее влияние на брачный выбор. В «реестре» требований, предъявляемых крестьянским обществом к невесте, девственность – наряду с дородностью (красотой), здоровьем и способностью к работе – стояла на первом месте, т.е. целомудрие ставилось выше физической красоты и прочих достоинств¹⁴. Девичья честь была своего рода залогом благополучной и спокойной будущей жизни ее обладательницы; обеспечивала ей право на существование в привычном

окружении; устанавливала и регулировала ее взаимоотношения с ближайшим кругом общения – семейным, соседским, общинным; влияла на ее дальнейшую судьбу, как, впрочем, и на репутацию ее семьи, рода.

За добрачные связи всю вину возлагали на девушку, а бесчестие падало на всю ее семью. Если девушка «гуляла», «потерпевшими» лицами признавали прежде всего ее родителей. Дурное поведение жены или дочери для любого крестьянина было позором. «Если дочь-невеста слюбится с каким-нибудь парнем и принесет незаконного ребенка, это бесчестие для родителей. “Покрыла срамом наши головы”, – говорит ей отец»¹⁵.

Вместе с тем, по отдельным свидетельствам, можно судить о ситуациях трансляции девичьего бесчестия не только на семейный круг, но и на всю мужскую часть молодого поколения крестьянской общины. В частности, по сообщению из Нижегородской губ., если любовник девушки принадлежал к числу ее односельчан, то его связь с ней не вызвала протеста со стороны местных парней, разве лишь со стороны семьи самой девушки. Но в том случае, если ее любовником становился ухажер из другой деревни или же вовсе лицо другого сословия, то все местные женихи считали себя оскорбленными. И если тот не пытался деньгами, угощением и т.п. исправить дело, тем самым обрести к себе расположение оскорбленных, то при первом же удобном случае его подстерегали и избивали. Девушку же, «гуляющую» с чужим, всегда при случае могли попрекнуть, «подкорить» и подруги, и парни-односельчане. Они считали себя обиженными тем, что она предпочла своим «чужого», якобы «своих ей мало» и они «оказались плохи»¹⁶.

В некоторых губерниях девиц с испорченной репутацией старались исключить из круга внутри-деревенского молодежного общения. По сведениям из Владимирской губ. (Меленковский у.), девушек, замеченных в близости с парнями, не пускали на посиделки. Более того, они сами, в страхе быть осмеянными, предпочитали их не посещать. В Ярославской губ. (Ростовский у.) крестьянка, родившая внебрачного ребенка, в течение года не допускалась на беседы. Даже по истечении этого

¹¹ Русские крестьяне. Указ соч. Костромская и Тверская губернии. Т. 1. СПб., 2004. С. 478.

¹² Русские крестьяне. Указ. соч. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. Т. 6. СПб., 2008. С. 197.

¹³ Там же. С. 246.

¹⁴ Крюкова С. С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 105.

¹⁵ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 328; Там же. Ярославская губерния, Пошехонский уезд. Т. 2. Ч. 1. СПб., 2006. С. 155.

¹⁶ Русские крестьяне. Указ. соч. Нижегородская губерния. Т. 4. СПб., 2006. С. 167.

срока она не могла найти себе подруг. Окружавшие ее девушки старались избегать общения с ней, боясь, что и о них пойдет дурная слава¹⁷.

Правда, наряду с такого рода толкованиями девичьей чести в источниках мы найдем и иные, указывающие на грядущие перемены. Например, свидетельствующие об утере во второй половине XIX в. прежнего значения девственности, особенно в местностях, отличавшихся от земледельческих губерний своим торгово-промышленным укладом, а также в пригородных селах. Взаимосвязь между хозяйственно-экономическим укладом деревни и царящими в нем нравами фиксировали и современники. По сведениям из Костромской губ., «опороченная девушка с великим трудом может найти себе жениха, и то или очень бедного, или такого, который потребует за ней большой денежный «вывод». Случаи рождения незаконнорожденных детей (по здешнему «пригулышей») чрезвычайно редки: на это решаются в большинстве случаев такие девицы, которые потеряли надежду выйти замуж, а таких почти не бывает. Каждая девушка, как бы бедна и некрасива ни была, находит себе пару. В ближайших городах, хотя бы и в Галиче, нравы уже другие, так же, как и в подгородных (пригородных. – К.С.) селениях. Известно, что город с его соблазнами и множеством разного рода Дон Жуанов портит деревню. Девушка, которая служила или служит в городе, не считается хорошою невестою: редко возьмут ее замуж. Только крайне бедные родители отпустят свою дочь в город на службу»¹⁸.

В основе более свободного поведения молодежи лежали местные традиции, например, развитые отхожие промыслы или обычай вступать в брак в более позднем возрасте¹⁹. В Варнавинском у. Костромской губ. (с. Лапшанга) девушка, достигшая половой зрелости, уже имела «поигральщика», т.е. парня, который вступал с нею в постоянную половую связь²⁰. Из Нижегородской губ. сообщали, что «плотский разврат с каждым годом все больше и больше распространяется среди крестьянского населения: теперь редкий крестьянский парень не обзаводится любовницей и очень многие, а в некоторых селениях так и

поголовно почти все незамужние крестьянки-девушки имеют еще до брака любовников»²¹. Интимная связь между молодежью здесь не составляла редкости, хотя и скрывалась. По свидетельству современников, «можно привести несколько примеров, что девушка, потеряв целомудрие с одним парнем, вышла замуж за другого. Честь девушки ставится очень высоко с первых времен, но с течением времени поведение такой девушки почти забывается, и к девушкам с признаками беременности относятся также почти равнодушно. Родители, чтобы дочь их не дошла до половой связи с парнем, принимают все зависящие от них меры к сохранению целомудрия как можно дольше, а раз девица, не послушав родителей, потеряет целомудрие, то терпит от них всевозможные брани, укоризны и нередко побои... Как родители, так и родственники на половое общение смотрят крайне неодобрительно, говоря при этом «Бога не боятся и людей не стыдятся», «совсем отчаялись»»²².

Размывание прежних нравственных устоев коснулось во второй половине XIX в. и земледельческих губерний. По сведениям из Калужской губ.: «в последние 5-6 лет на потерю невинности мало обращают внимания, потому что большинство молодежи сходятся до свадьбы. Если теперь станут приставать к девушке с укорами, то она непременно ответит: «Свой чемодан, кому хочу, тому и дам!» Те же, на которых падает только подозрение, те не постесняются подать жалобу в волостной суд на оскорбление, и во всяком случае наплюют обидчику в глаза. В д. Сосене забеременела девушка; мать хотела ее бить, но соседи не только не дали бить, но уговорили даже не ругать»²³. Наблюдатели крестьянского быта во второй половине XIX в. констатировали, что «девичья честь при современных условиях, за малым исключением, ставится не очень высоко. Причина та, что мало, даже слишком мало найдется девушек, которые остались бы девственными до 18-20 лет. Правда, и безразлично относятся к девушке, потерявшей невинность, при случае, в ссоре ей обязательно поставят на вид, какова она по своим нравственным качествам»²⁴.

¹⁷ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 224.

¹⁸ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 1. С. 181.

¹⁹ Там же. Т. 4. С. 158.

²⁰ Там же. Т. 1. С. 69–70.

²¹ Там же. Т. 4. С. 158.

²² Там же. С. 226.

²³ Там же. Т. 3. С. 555.

²⁴ Там же. С. 307.

Наряду с торгово-промышленной специализацией губерний, развитием отхожих промыслов и близостью к городу падению нравственности способствовала поденная работа женщин на помещиков. По сведениям из Рязанской губ. (д. Усово Раненбургского у.), «потеря девственности тут не преступление, а заурядное явление. Над девушкой тут не насмеются, родители предоставляют ей полную свободу. Окружающие помещики, у которых деревня работает летом полевые работы, поденщина... развратила народ, как рабочая пора, так девок и баб и не удержишь»²⁵.

В с. Алуево Калужской губ. среди основных требований к невесте назывались богатство (приданое), дородность, сила, способность к крестьянскому труду дома и в поле и, гораздо менее, целомудренность²⁶. Имущественный достаток невесты при выходе в замужество нередко покрывал девичий «грех». Аналогичные перемены можно наблюдать и в Рязанской губ., где прежние предбрачные установки в выборе брачного партнера уступали место новым: богатое приданое могло послужить компенсацией «позора». В с. Белоомут Зарайского у. (Рязанская губ.) богатый крестьянин Волков посватался к дочери лесопромышленника Сурина с условием о приданом в 3 тыс. рублей, однако после того, как ворота Сурина были вымазаны дегтем, жених заявил, что теперь женится только в том случае, если Сурин даст приданого до 10 тыс. рублей. Дело завершилось тем, что Сурин увеличил размер приданого до 6 тыс. рублей²⁷.

Упомянутые в источнике ворота, испачканные дегтем, должны были сигнализировать общественности о том, что невеста потеряла невинность. Крестьянская традиция выработала ряд символических форм обозначения девиантного, с точки зрения общины, поведения девушки, порочащего ее честь. Посрамление / бесчестье в обычно-правовой традиции было наказанием, лишавшим ее возможности спокойной жизни в деревне в дальнейшем, портило ее репутацию, а от нее в свою очередь зависел социальный статус ее семьи.

Вообще вымазанные дегтем ворота дома обесчещенной девушки довольно часто

упоминаются в источниках, что говорит о широкой географии распространения подобной практики. Правда, судя по имеющимся материалам, нередко эта форма общественного порицания приобретала характер не наказания, а оскорбления, намеренно наносимого девушке и ее семье в отместку за что-то. Например, по сведениям из Калужской губ., символические обиды исходили здесь «по большей части от женщин и молодых парней. Женщины после ругани мажут дегтем не только двери, но и окна и двери того дома, где живет обидчица, если у нее есть дочь или сестра-невеста, потому что мазание дегтем означает потерю невинности, замарание чести. Такие же шутки проделывают парни, желая за что-нибудь отомстить девушке. Есть девушки-насмешницы, и вот при народе сремизят²⁸ парня. Мажут дегтем избу из-за ревности молодые бабы; напр., одна из них узнает, что ее муж находится в связи; но мазание дверей замужней женщины не считается таким позором. “Наша голова покрыта” (т.е. прикрыта венцом), “нам чести не сберечь”»²⁹.

В источниках есть упоминания и о других умаляющих честь девушки видах оскорблений, которые имели локальное бытование. Например, в Костромской губ., желая сильно оскорбить и «обесчестить» девушку, парень мог сорвать с ее головы платок. Это означало, что потерпевшая — любовница того, кто сорвал с нее головной убор³⁰. В Калужской губернии к символическим обидам относилось обрезание косы у девушки. Обрезали их или женщины, или парни, или тайком на улице, или ночью в хороводе. Иногда перед домом, где девушка была замечена с парнем, вешали на крыльцо или под окном люльку, куда подкладывали сделанную из тряпок или соломы куклу-ребенка. Такое же значение имел и подвешенный на двери кузовок — живот беременной женщины часто в насмешку называли кузовком. С той же целью подкладывали на крыльцо дома яйца или ставили на него худой горшок. Беременную девушку прозывали «курочкой с яичком», а потерявшую честь девушку — «худым горшком»³¹. В Мценском у. Орловской губ. на дверях и воротах дома девушки, которая вела себя «слишком уж свободно», вешали «драную собаку»³². В ряде деревень Липецкого у. Тамбовской губ., чтобы

²⁵ Архив Российского этнографического музея (далее — АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1438. Л. 14–15.

²⁶ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 430.

²⁷ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1452. Л. 3.

²⁸ *Сремизить* (ремизить) — поставить в невыгодное, затруднительное положение.

²⁹ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 547.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 24.

³¹ Там же. Т. 3. С. 548.

³² Архив Русского географического общества (далее — АРГО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

опорочить девушку, в огороде ее семьи дергали лук и портили капусту. В Тульской губ. вешали на видное место поневу с вырезанным клоком³³.

Однако во второй половине XIX в. девственность новобрачной по большей части все еще имела важное значение для будущей совместной жизни брачующихся. Были ситуации, когда уже после первой брачной ночи брак распадался³⁴. Поэтому с целью удостоверения невинности просватанной невесты, а также публичного оповещения о том, что невеста непорочна, во время свадьбы устраивали ее «официальное обследование», результаты которого демонстрировали гостям, причем чаще всего в иносказательной форме и с помощью различных символических манипуляций. Например, в Калужской губ. после первой брачной ночи теща и сваха снимали рубаху с новобрачной и исследовали ее. Если выяснялось, что молодая потеряла невинность до брака, то муж в присутствии гостей и родственников бил посуду, ломал и грыз ложки³⁵. В некоторых селах сваха надевала на себя окровавленную рубашку и в таком виде ходила по селу³⁶. Брачная рубашка невесты была символом публичности брака, в некоторых деревнях ее показывали всем гостям; на этой рубахе, расстеленной по земле, девушки плясали и пели. При этом честь в песнях воздавали не только самой новобрачной, но и ее отцу и матери. Есть упоминание о том, что в отдельных селах окровавленную рубашку выносили даже на базар и ярмарку, привязывали ее к дуге во время езды и катания, и при этом пели песню «Во лузьях, во лузьях, во зеленых во лузьях рацвели цветы лазоревы, понесли духи анисовы»³⁷. В других селах, по-видимому, имела место трансформация обычая демонстрации «брачной рубашки» на всеобщее обозрение: если подтверждалось, что невеста сохранила девичью честь до брака, ее отцу дарили красный платок, затем его привязывали к палке и ставили в избе, чтобы каждый входящий его видел³⁸.

Следует подчеркнуть, что даже случайные нарушения в обряде обнародования факта целомудренности невесты могли привести к необратимым последствиям. Так, в 1880-е годы в

одном из сел Оренбургской губ. (с. Изобильное) был описан случай, когда в ходе такого ритуала «новобрачный подал рубашку окровавленную вместо того лица, которому обыкновенно передается окровавленная рубашка (свахе или своей матери), подал ее невестинной матери. Одна эта ошибка произвела страшную драму: мать невесты бросилась в угол и начала причитать (“яблочко мое румяное, сгубила я тебя”). Людскую молву нельзя было переубедить: все стали того мнения, что мать вымазала кровью рубашку дочери. Игание свадьбы прекратилось: гулянки не было, и по деревне разнесся слух: не гуляют, а одно это — позор. После несчастный брак вышел из-за того... вся деревня готова была принять присягу (что произошла ошибка — К.С.), но молва не унялась. Сам муж заявил довольство, благодарил мать, готов был присягу принять, но молва и признанию не поверила»³⁹.

В некоторых местностях Калужской и Рязанской губерний было принято бить горшки. Утром сваха шла поднимать молодых и несла с собой глиняный горшок. Если невеста была честная, то сваха разбивала горшок, в противном случае тот оставался целым. В других деревнях, если невеста была бесчестной, сваха приносила из клетки дырявый («худой») горшок и отдавала его отцу и матери новобрачной, а женихова родня заставляла их лить в горшок воду. Иногда прямо во время омраченной худым известием пирушки родителям новобрачной давали в руки стакан без дна, и когда те хотели налить в него вина, вино проливалось⁴⁰. В Нижегородской губ. существовал обычай, по которому молодожен, придя наутро после свадьбы к родителям жены и принимая с подноса из их рук рюмку вина, которое должен был выпить, если жена оказалась нецеломудренной, мог посрамить ее родителей тем, что ставил выпитую рюмку обратно на поднос, а не разбивал ее, бросив на пол, как должен был бы сделать, если бы жена оказалась девственницей⁴¹.

В Тульской губернии, если невеста была опозорена, утром после брачной ночи ей подставляли скамью о трех ножках⁴². По материалам из Богородицкого уезда, «если

³³ Там же. Л. 17, 29.

³⁴ Там же. Д. 11. Л. 33.

³⁵ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 210.

³⁶ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

³⁷ Там же. Л. 36.

³⁸ Там же. Л. 40.

³⁹ Там же. Л. 38-39.

⁴⁰ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 313.

⁴¹ Там же. Т. 4. С. 165.

⁴² Там же. Т. 6. С. 437.

посватана позорная девушка, да ее поведет жених катать, на дорогу поставят плетуху (корзину), лапти — чтобы опозорить»⁴³. В Орловской губернии на пути свадебного катания ставили кадку⁴⁴. В Бийском округе, если невеста была «неблагополучна», ее раздевали и среди двора «купали водой через рубашку». А в Острогожском у. Воронежской губ. «говорили при этом: “мертво тело обмывать”, по-видимому, намекая на старый обычай убиения таких новобрачных. Страшат невесту страшно. Лохмоты надевают. Кричат шерстобита. На ворота помело. Курицу разломают надвое и поставят перед отцом-матерью»⁴⁵.

По отдельным сообщениям, освидетельствование невесты настолько приобрело публичный характер, что считалось большим грехом утаивать результаты брачного ложа (Острогожский у. Воронежской губ.)⁴⁶. Даже в тех местностях, где девственность новобрачной не имела особого значения и никаких доказательств этого не требовали, обряд битья горшков сохранялся: «в знак честности ее во время свадьбы мужчины разыскивают новые горшки и крынки, которые в доме невесты, бьют об пол, а в случае нечестности то же проделывают со старыми горшками» (Нижегородская губ.)⁴⁷.

Унизительность посрамления, притом всё бóльшая свобода в добрачном половом общении молодых вынуждали их прибегать к всевозможным хитростям, дабы усыпить бдительность деревенской общественности. В частности, для того, чтобы скрыть утрату невинности, прибегали к следующим уловкам: по сообщению из Калужской губ., «режут голубей и кровь от них собирают в пузыри (склянки) и этой кровью окрашивают рубашку новобрачной, или же расковыривают себе десны до крови и плюют на рубашку»⁴⁸.

В тех местностях, где к концу XIX в. к сохранению целомудренности относились уже не столь строго, сваха показывала рубашку новобрачной лишь близким родственникам жениха. При этом имеются указания на ситуации, когда жених и невеста, признавшаяся еще до брака в отсутствии

девственности, вместе сознательно шли на обман и даже вовлекали в него сваху, задаривая ее за это. Сваха или же сама новобрачная заранее смазывали брачную рубашку кровью.

Случалось, что невеста пыталась утаить прошлый грех, и сваха объявляла родным новобрачного, что дело неблагополучно. Если жених относился к этому равнодушно или снисходительно, то дело завершалось только перекурами между сватьями; в противном же случае происходил скандал: новобрачный бил молодую жену и срамил ее отца и мать⁴⁹.

О суровых расправах с молодой после первой брачной ночи сообщали из Олонецкой губ. (Вытегорская вол.): «если новобрачная оказывается нецеломудренной, ночью в спальне молодых раздается хлопанье бича и подавленные стоны новобрачной — это молодой наказывает молодуху за то, что она девицей потеряла честь. Он обзывает ее разными оскорбительными именами, а прозвище потаскухи за ней упрочивается на всю жизнь. Утром молодой заявляет, что не для чего идти в баню. Она бросается в ноги своим богоданным родителям и со слезами умоляет простить ее девический грех. Очень часто родители мужа не только ее прощают, но даже берут под свою защиту и начинают уговаривать своего сына тоже простить»⁵⁰. Побой согрешившей новобрачной в первую брачную ночь были, с точки зрения крестьян, правомерными. В некоторых деревнях для подобных расправ даже специально вешали плетку там, где спали молодые⁵¹.

Помимо самой невесты наказывали и ее родителей, и сваху. Так, в Калужской губ. мать новобрачной запрягали в борону и заставляли протаскать ее по деревне⁵². В других деревнях на родителей опозорившейся невесты надевали хомут и в таком виде водили по деревне⁵³. Надевали хомут и на сваху, запрягали ее в водовозку. В Малоархангельском у. Орловской губ. знаком того, что невеста была «с изъяном», являлось отсутствие цветов на упряжке лошади. По сообщению из одной деревни, крестьянка вышла замуж, будучи беременной, за что дружка ей «всю

⁴³ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 33.

⁴⁴ Там же. Л. 34.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 4. С. 232.

⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 313.

⁴⁹ Там же. С. 432.

⁵⁰ Там же. Т. 6. С. 201.

⁵¹ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

⁵² Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 3. С. 313.

⁵³ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.

рубашку изорвал по кускам»⁵⁴. После скандала свадебные застолья обычно расстраивались: «и свадьба не в свадьбу. Не гуляют вовсе»⁵⁵.

Телесное наказание девушки за ее недостойное поведение было делом внутрисемейным. На общинный или волостной суд подобные дела не выносили. В случае добрачной беременности девушка подвергалась побоям со стороны родителей, со стороны же остальных служила объектом порицания и посмешища. Поднять на нее руку могли исключительно родители, ближайшие родственники и оскорбленный ее «нечестностью» муж. Девушки были на особом положении в общине. За одно и то же нарушение наказывали в зависимости от гендерного статуса: «за прелюбодеяние мужика пускают в одной рубашке, а одежду его пропьют; с бабой расправляется сам муж; но девушек никогда не наказывают, даже когда они заведомо гуляют, даже если родит»⁵⁶. По сведениям из Тульской губ., за воровство или за непочтение родителей женщину здесь секли розгами, девушку же «обнаготить» было нельзя – «позорно», поэтому последних розгами не били⁵⁷. Таким образом, девичья честь, как ничья иная, была связана с табуированием ее тела, а действенность запретов на ее добрачные половые контакты и публичное обнажение поддерживалась системой санкций, осуществляемых различными институтами, – от общественного мнения и обычно-правового разбирательства сельского схода до суда официального, государственного (волостного, мирового, окружного).

Для восстановления безвинно пострадавшей девичьей чести принимали особые меры. Например, в некоторых деревнях (д. Радомли и д. Савинки Болховского у. Орловской губ.) действовал своеобразный институт защиты чести девушки – в случае клеветы на нее устраивали так называемый «публичный осмотр». Общество избирало трех женщин, которые в доме у обвиняемой осматривали ее, после чего результат объявляли на сходе. Затем староста приказывал десятскому, чтобы тот прошел по дворам и объявил в каждом доме, что «такая-то девушка оказалась чистой». Если девушку обзывали «нехорошим словом», то

сход подвергал обидчика денежному штрафу: «за первый раз – 1 руб., за второй – 3 руб., а за третий – 6 руб. и обществом отправят виновного в волость для наказания его розгами». Здесь не допускали больших вольностей в обращении с девушками, в их присутствии, в частности, было запрещено сквернословить⁵⁸. Схожее наказание устанавливали и в Чернском у. Тульской губ.: «Если девушку или женщину обругают б...ю, то штрафуют 1-1 руб. 50 коп., из них 1 руб. пропьют»⁵⁹. В Ишимском округе Тюменской губ. клеветника выводили на сельский сход и заставляли на протяжении двух дней кланяться в ноги девушке по 3 раза за нанесенную обиду – для этого сход специально созывали дважды подряд⁶⁰.

Оправдание девушки на сельском сходе практиковали в разных губерниях: «одну девочку 14 лет парень обозвал непотребною, мать привела дочь к “клятьбе”, а затем вышла на сходку и заставила выделить для освидетельствования. Сход приговорил к уплате за бесчестье» (Чернский у., Тульская губ.); «если баба девку назовет б...ю, то созывают сход, бабку. Это на “пробу”. На печке пробуют. А потом велят другой бабке попробовать. По их заключению приговаривают за бесчестье, если невинна»⁶¹ (Яранский у., Вятская губ.). Подобные меры, вероятно, были действенны в тех местностях, где девичья честь еще не утратила своей нравственной ценности.

Сельское общество было вправе покрыть позор девушки, принудив парня жениться на оклеветанной. Например, в Чернском у. за то, что парень вырезал клочок из платья девушки, «мир присудил, справившись о летах, перевенчать их, хотя бы насильно, и перевенчали: сына Ивана Парфеныча на дочери Ивана Петровича. Девушка сказала, что он раньше к ней лез, мир присудил без приданого отдать за него»⁶². Если девушка заявляла об изнасиловании, то для освидетельствования приглашали фельдшера: «в избу найдет много народу, со светом смотрят, поваливши девку на стол. Если правда, то заставят жениться парня. А если от стыда девка скажет, что раньше жила с кем-нибудь, то ее не свидетельствуют и парня к женитьбе

⁵⁴ Там же. Л. 34.

⁵⁵ Там же. Л. 36.

⁵⁶ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 13. Л. 28.

⁵⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

⁵⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 915. Л. 12–14.

⁵⁹ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

⁶⁰ Там же. Л. 24.

⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 38, 43.

⁶² Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

не принуждают (д. Краски, Шенкурский у., Архангельская губ.)⁶³. В Тамбовской губ. (Лебедянский у., д. Ракитня) общество заставляло обольстителя жениться или платить «бесчестье», и бывало удовлетворено, если тот перед иконой клялся, что не обманет и женится.

В Арзамасском у. Нижегородской губ. были случаи, когда сход принуждал жениться на забеременевшей девушке⁶⁴. По сообщению из Болховского у. Орловской губ., «когда девушка родит и отец ребенка женатый, то он обязан выдавать девушке и ее ребенку содержание тогда, когда его или поймают с девушкой и уличат или если он во время “допроса” обществом сознается, что его “грех попутал”. Если же отец ребенка холостой, то его обществом принуждают жениться на опозоренной девушке, хотя бы парень был богатый, а девушка была из бедной семьи, приданого деньгами в таких случаях парень не имеет права требовать»⁶⁵. В Яранском у. заставляли парня или жениться, или обеспечить девушку имуществом: выделить полдома, лошадь, овцу, корову⁶⁶. Крестьянская община вмешивалась в такие ситуации довольно часто: «девушка жалуется священнику. Его на сходку выводят и тут его принуждают, мир всегда уж заметит, кто с кем сходится»⁶⁷.

В урегулировании ситуаций с бесчестьем особую роль отводили священникам. В силу своих духовных полномочий они нередко первыми узнавали о «грехе» девушки либо от нее самой, либо от других прихожан: «Забеременеет девушка. Сейчас об этом попу скажут, а затем через посредство бабки освидетельствуют девушку»⁶⁸. Стараясь предупредить прерывание нежелательной беременности, они пытались убедить девушку в необходимости сохранить ребенка: «Беременную девушку в Чернском у. призывают священники и внушают о сбережении плода»⁶⁹.

Сельский сход тоже мог участвовать в подобного рода увещеваниях. По сообщению из Мценского у., в д. Азаровка на барском дворе жила девушка, которая «забеременела и стала

что-то пить. Деревенцы узнали об этом и вызвали на сходку. Ей сказали, чтобы она никуда не девала ребенка»⁷⁰. В целом внебрачная беременность девушки была настолько постыдной, что ее нередко пытались прервать любым способом, например, прибегнув к помощи деревенских знахарок. Если же это не удавалось, то пытались избавиться от нежелательного потомства. Но когда в деревне находили подкидыша или умерщвленного младенца, собирали изближайшей округи девушек, начиная с 12-летнего возраста, и осматривали их грудь: «Как ребенка утопят, старики собирают девок, но только распутных, а не всех. Смотрят грудь и молоко в общем присутствии» (Землянский у., Воронежская губ.); «в случае задушения или подкидыша-ребенка созывают с нескольких деревень девушек с 12 лет, баб без мужей и свидетельствует становой» (Богородский у., Московская губ.)⁷¹.

В некоторых местностях сельский сход сурово карал детоубийц. Так, в Оренбурге, Уфе, Тамбовской губ. такую преступницу «выводили на кобылу» (скамейку из досок) и секли розгами. Тяжесть совершенного преступления вынуждала мир нарушать общепринятый запрет на сечение девушек розгами. Правда, до первого удара любой желающий мог взять ее замуж, накрыв платком. Тогда ее освобождали от наказания. Но если первая плеть опустилась на ее спину, помилования быть не могло. Известен случай спасения некой девушки в подобной ситуации – тогда договорились с крестьянином, готовым «покрыть ее платком»⁷².

В Ветлужском у. Костромской губ. был описан обычай мести брата за поруганную честь сестры. Распространенные здесь добрачные связи девушек, обусловленные демографической диспропорцией (численным превосходством женщин), не всегда заканчивались свадьбой. В случае отказа парня от женитьбы мстил ему «исключительно брат (пострадавшей. – К.С.), под видом – за разные другие обиды»⁷³.

Итак, крестьянская община в лице сельского схода и «домашний» суд в лице ближайшего

⁶³ Там же. Д. 2. Л. 41.

⁶⁴ Там же. Д. 4. Л. 1–6.

⁶⁵ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 915. Л. 3.

⁶⁶ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 56–57.

⁶⁷ Там же. Д. 14. Л. 56.

⁶⁸ Там же. Д. 2. Л. 40.

⁶⁹ Там же. Л. 37.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 40, 43.

⁷² Там же. Д. 14. Л. 60–61.

⁷³ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 1. С. 113.

семейного круга девушки вместе участвовали в решении вопросов, связанных с поддержанием, защитой и восстановлением девичьей чести. Они вправе были наказывать ее за девиантное в глазах общественности поведение. Однако во второй половине XIX в., после судебной реформы, у крестьян появились и другие возможности найти справедливость. Учрежденные тогда волостные суды стали еще одним институтом, куда крестьяне могли обращаться с различными жалобами, в том числе исками о восстановлении доброго имени.

М.И. Зощенко. Волостной суд, 1888

Анализ судебных дел волостной юстиции показывает, что девушки относились к далеко не самой многочисленной категории истцов. Если женщины в целом, согласно проведенным Л.И. Земцовым подсчетам, составляли лишь 17,3 % от общего числа жалобщиков, то девушки среди них – процент еще меньший⁷⁴. Их статус обязательно фиксировали в описаниях тяжб: указывалось, что с жалобой обратилась именно девица-крестьянка, а не просто крестьянка (так обозначали в судебных приговорах замужних женщин), солдатка (жена крестьянина, отправленного в армию) или вдова. Чаще интересы девушки представляли ее родители: отец или мать-вдова. Изученная нами судебная документация позволила выделить несколько разновидностей дел, связанных с девичьим бесчестьем: 1) дела об оскорблениях словесных и физических, причиненных девушке; 2) дела, связанные с бесчестьем, имеющим символический смысл (пачкание ворот дегтем, битье окон и др.); 3) тяжбы, связанные с несоблюдением предбрачных договоров.

Самыми распространенными в волостном судопроизводстве были тяжбы между крестьянами, возбужденные в связи с оскорблением словом (20,6 %) и действием (41,0 %)⁷⁵. Соответственно среди вышеперечисленных категорий дел в отношении девушек наиболее частыми были

обращения по поводу бесчестия словом и действием. По сведениям из Варнавинского и Никольского уездов Костромской губ., в 1891–1892 гг. были неоднократные обращения девушек в суд с просьбами за «причинение побоев и лишение чести» подвергнуть виновника наказанию по закону. В двух описанных случаях (а по указанию из Павинской вол. Варнавинского у., такие дела были нередкими) суд постановил взыскать с обидчика 15 руб. и посадить его на семь дней в арестантскую⁷⁶.

С семейными неурядицами крестьяне старались не обращаться в суд «даже в крайних случаях, чтобы не срамить своего хозяина и самих себя»⁷⁷. Однако оскорбление словом было настолько большой обидой, что иногда вынуждало выносить семейные конфликты («сор из избы») на волостной суд. В частности, 25 мая 1869 г. девица с. Богдановки (Данковский у. Рязанской губ.) Авдотья Степанова пожаловалась на сестру свою Пелагею в том, что та отправила ее к тетке в соседнюю деревню. Авдотья там переночевала, а возвратившись оттуда, стала дома ткать. По словам истицы, пришла сестра, стала бить и называла ее бордельной б...ю. Свидетельницей конфликта была Настасья Степанова (очевидно, третья сестра истицы). За побои и срамление с Пелагеи Степановой было решено взыскать

⁷⁴ Земцов Л.И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. Воронеж, 2002. С. 60.

⁷⁵ Он же. Крестьянский самосуд. Воронеж, 2007. С. 222.

⁷⁶ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 1. С. 111, 115.

⁷⁷ Там же. Т. 3. С. 466.

штраф (3 руб. серебром). Кроме того, обидчица поплатилась за свою грубость лишением своей части из наследства, оставшегося от их покойной матери. Его присудили разделить на три доли: две из них в пользу девицы Авдотьи, одну – Настасьи⁷⁸.

Особенно постыдными считались прилюдные оскорбления, на что неизменно обращали внимание в материалах соответствующих дел. Так, 14 мая 1872 г. Сараевский волостной суд Рязанской губ. рассматривал жалобу девицы с. Кривского крестьянки Акулины Никифоровой Конаковой на крестьянина Григория Алексеева Конакова по поводу нанесения оскорблений словом и действием. Согласно ее показаниям, она пришла «с Кривским старостой и добросовестными в дом к Григорию Конакову для взыскания с него по мировой хлеба». Он стал ее бранить непристойными словами «при добросовестных». Ответчик в свое оправдание заявил, что был пьян и ничего не помнит, однако смягчению приговора это не способствовало: суд вынес решение наказать обидчика 15 ударами розгами⁷⁹.

Следует отметить, что наказание розгами считалось в деревне чрезвычайно суровым и унижительным. По упоминанию в одном из судебных дел, за некоего крестьянина, как «человека не раз замеченного в дурных поступках и сеченого в волостном правлении», отказались выдать замуж внучку⁸⁰. Сеченый на сходе или в волостном суде крестьянин утрачивал честь в глазах общества, не говоря уж о том, что он лишался ряда прав (в частности, не мог быть избран на общественные должности). О том, что крестьяне всячески сопротивлялись приведению в исполнение приговоров волостных

судов о телесном наказании, свидетельствуют их обращения в губернские и уездные по крестьянским делам присутствия с просьбами об отмене назначенных розог⁸¹.

Назначение волостным судом наказания в 15 ударов розгами за оскорбление чести девушки позволяет судить, с одной стороны, о статусе девичьей чести в деревенском сообществе, с другой, о высокой степени защиты девушки со стороны волостной юстиции. Вероятно, суровость такого приговора была обусловлена еще и обстоятельствами, при которых было нанесено оскорбление девушке – в присутствии «добросовестных» и при исполнении ими

С. Знаменский. Волостной суд. Начало XX в.

своих обязанностей. Тем более, что любые действия, направленные против представителей власти, в том числе сельской, последовательно наказывались как волостным, так и окружным судом, ведь могли пострадать интересы всего мира.

Наложение волостным судом штрафа на того, кто обесчестил девушку, в финансовом отношении было довольно ощутимым

⁷⁸ Земцов Л.И. Волостной суд ... С. 105.

⁷⁹ Государственный архив Рязанской области (далее — ГАРО). Ф. 545. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

⁸⁰ Там же. Д. 3. Л. 3.

⁸¹ Так, 8 июня 1890 г. в Липецкое уездное по крестьянским делам присутствие Тамбовской губернии обратился крестьянин Никанор Филатов с жалобой на несправедливое, с его точки зрения, решение волостного суда, которым он был присужден к телесному наказанию за драку с Матвеем Филатовым. В числе аргументов в свою защиту он указал, что «между ним и Матвеем Филатовым была обоюдная драка; накануне разбора дела двое из волостных судей... пьянствовали у просителя; что Матвей Филатов просил о гражданском вознаграждении, а не о наказании в уголовном порядке». К делу прилагалось прошение Никанора Филатова об отмене телесного наказания (Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО). Ф. 26. Оп. 2. Д. 527). Тамбовское губернское по крестьянским делам присутствие 8 июля 1891 г. рассматривало аналогичный иск другого крестьянина (Антон Суслина) «об отмене наказания 10 розог», определенного ему волостным судом за драку (ГАТО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 771).

наказанием для крестьянина. Чтобы дать представление о действенности таких санкций, приведем сведения о бюджете крестьянского двора того времени. Так, в Костромской губ. средний материальный достаток крестьянской семьи выражался в следующих цифрах: дом со двором, клеть и гумно – 200-220 руб.; лошадь – 50 руб.; корова – 25 руб.; 4 овцы по 3 рубля – 12 руб.; разные земледельческие орудия и экипажи... – 40 руб.; рухлядь: кадки, ведро... – 10 руб.; одежда и белье – 100 руб. Всего: 437-457 руб.⁸²

Для сравнения приведем описание семейного имущества крестьянина Никиты Иванова Кисякина из Тамбовской губернии (д. Жуковка, Спасский у.). В 1878 г. у него имелись: изба – 70 руб.; горница – 30 руб.; скотная изба – 60 руб.; конюшня – 20 руб.; двор из плетня с сараем – 20 руб.; ворота, крытые тесом, – 10 руб.; амбар на огороде – 20 руб.; мерин масти гнедой – 40 руб.; кобыла рыжая – 35 руб.; корова масти бурой – 25 руб.; коровка такая же – 20 руб.; корова рыжая – 17 руб.; телушка бурая – 15 руб.; бычок буроватый – 15 руб.; 14 овец с 10 ягнятами – 15 руб.; 4 свиньи – 20 руб. Итого: 452 руб.⁸³

Публичный характер бесчестья, как и публичность защиты чести, – неотъемлемая их характеристика, поскольку именно присутствие посторонних подтверждало акт нанесения обиды, придавало действию завершенность. Это усугубляло вину обидчика и в то же время обеспечивало пострадавшую сторону свидетелями. Например, по сообщению из Псковской губ., сами по себе побои не считались тяжким оскорблением для девушки, *но побои, нанесенные парнями на «гулянке»*, были для нее большим унижением⁸⁴.

В судебных формулировках «бесчестье», «нанесение оскорбления на словах и действием», «обида действием», «оскорбление чести», «гражданское бесчестье» и др. составляли единый синонимичный ряд. Их употребляли в приблизительно аналогичных ситуациях, связанных с каким-либо физическим насилием или публичным словесным оскорблением. В 1873 г. Воейковский волостной суд слушал словесную жалобу девицы с. Воейково Екатерины Павловой: «9 июня она работала на покосе в саду у г. Апрелева в числе прочих; пришел туда пчелинец г. Апрелева

крестьянин Змиевской волости дер. Рановых Верхов Яков Тимофеев, взял палку у ключника Казьмы Иванова и ударил ею Павлову по спине так сильно, что она едва могла устоять, и просила суд за нанесение обиды действием и *бесчестьем при многолюдном собрании* подвергнуть Тимофеева ответственности по всем строгостям закона». Несмотря на то, что ответчик убеждал аудиторию в том, что ударил Павлову «в шутку, не имея никакого намерения этим оскорбить ее», суд постановил взыскать с Тимофеева за оскорбление девицы Павловой действием штраф 5 руб. сер. и удовлетворить ими Павлову⁸⁵.

Оскорбляли честь девушки не только ругань при свидетелях или побои, но и любые действия, ущемляющие ее достоинство. В частности, ситуацию с нанесением обиды крестьянской девице Кудрявской вол. с. Никольского Мавры Ивановой рассматривал 27 августа 1872 г. тот же Воейковский волостной суд: 8 июля 1872 г. на ярмарке в с. Воейково государственный крестьянин с. Долгое Кузьма Андреев Оглодин «по научению своей жены» начал снимать с нее платок, признавая будто бы за свой. Снять платок он не смог, но «изорвал жерелье», которое стоило, по словам истицы, 20 коп. Мавра Иванова просила суд взыскать с Оглодина убытки и за оскорбление «поступить по закону». Волостные судьи признали крестьянина Оглодина виновным в «оскорблении чести просительницы Ивановой» и постановили: «взыскать с ответчика за причиненные убытки за изорвание жерелье 30 коп. в пользу просительницы Ивановой и за оскорбление ее чести к штрафу 3 рубля в пользу волостных мирских сумм Воейковской волости»⁸⁶. Как мы уже сообщали выше, срывание платка с девушки или женщины имело в деревне символический подтекст, а именно намек на ее легкомысленное поведение. И хотя в материалах этого судебного дела нет прямого указания на злой умысел в действиях обидчика, не исключено, что он преследовал эту цель.

Еще одну группу дел, связанных с бесчестьем девушки, составляют иски по возмещению морального ущерба в результате пачкания ворот дегтем. Как уже упоминалось, подобные действия также имели символический смысл. Они имели целью ослабить девушку, «запятнать» репутацию и ее собственную, и всей ее семьи.

⁸² Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 1. С. 343.

⁸³ ГАТО. Ф. 69. Оп. 50. Д. 20.

⁸⁴ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 6. С. 243.

⁸⁵ Земцов Л.И. Волостной суд ... С. 247–248.

⁸⁶ Там же. С. 218

Во второй половине XIX в. крестьяне стали пользоваться предоставленной им волостной юстицией возможностью расквитаться за нанесенное «бесечье». Так, Сараевский волостной суд (Сапожковский у. Рязанской губ.) 14 октября 1873 г. взыскал с девицы Екатерины Пантелеевой штраф в 3 руб. серебром за то, что та «по неизвестной причине» вместе с Марфой Васильевой вымазала ворота крестьянина Михаила Старкова⁸⁷. Или, по сведениям из Самарской губ., 10 июля 1870 г. крестьяне А. и Е. заявили, что крестьянин одного с ними села М. в ночь на 9 июля, «неизвестно им для чего, вымазал дегтем их ворота, просили о поступлении с М. по закону, причем представили свидетелей, которые поймали М., бежавшего от дворов крестьян А. и Е., руки у него были вымазаны в дегте». Согласно приговору, с М. было решено взыскать за нанесение оскорблений в пользу крестьян А. и Е. по 3 руб. каждому⁸⁸.

Здание Волостного правления, Волостного суда и Кредитного товарищества в Сысерти

Помимо штрафа подобные иски могли сопровождаться и телесным наказанием. В одной из схожих тяжб крестьянин П. пожаловался на оскорбление со стороны крестьянина С. — тот вымазал его ворота дегтем. В подтверждение своего обвинения П. сослался на то, что и он, и свидетели видели след сапог ответчика.

Крестьянина приговорили к 20 ударам розгами⁸⁹.

Среди судебных дел выделяется еще одна категория, имеющая отношение к чести/бесечью девушки — иски о компенсации предбрачных убытков в результате отказа от брака. Следует отметить, что под «бесечьем» в данном случае понимали не сугубо девичье. Оно распространяло на всех участников предбрачных соглашений, предворявших свадебное торжество. Бесечьем крестьяне называли расстройство брака в результате отказа от него с той или другой стороны уже после достижения взаимных договоренностей и совершения ряда обрядовых действий («бесечье — отказ от брака жениха и невесты»)⁹⁰.

По сведениям из Болховского у. Орловской губ. и Лебедянского у. Тамбовской губ., за бесечье в подобных ситуациях платили штраф от 40 до 60 руб., не считая компенсации понесенных семьями жениха или невесты убытков («уплаты за харчи»). Современник событий описывал один из таких случаев расстройства свадьбы в д. Лукине Бугурусланского у. Самарской губ.: «сосватали невесту, привезли ее в с. Аксаково венчать. Она не видала жениха до венчания и предупредила отца, что не пойдет. Кладка — 100 руб. и пирушка на счет жениха. Приехали к венцу. Попу она сказала: “не хочу венчаться”. 3 раза поп уговаривал, велел отойти на лавку и подумать, 3 раза она ответила отрицательно. Тогда жених с поездом накупились на невесту и ободрали ее, оставив в одной рубашке. Она спряталась за порог к одной. Они вытащили и начали мять

бока. И той, и другой стороне суд ничего не сделал. 6 лет тому назад (1880–1881 гг.)». По сведениям из Елецкого у. Орловской губ., с жениха за отказ от брака взыскивали в пользу невесты 25 руб. В целом, и об этом говорят источники, отказ жениха для девушки был более чувствителен, чем отказ девушки — для жениха.

⁸⁷ ГАРО. Ф. 545. Оп. 1. Д. 3. Л. 36–37.

⁸⁸ Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 7. СПб., 1873. С. 25.

⁸⁹ Там же. С. 33.

⁹⁰ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

Например, в Шенкурском у. Архангельской губ.: «если невеста откажется – платит за водку и дары, а жених откажется – нехорошо, *большой порок девке*. Платит бесчестье поэтому»⁹¹.

Наблюдения второй половины XIX в. показывают, что в пореформенный период отказы невест от женихов участились, что может свидетельствовать в пользу большей самостоятельности молодых: «Таких случаев очень много – чуть ли не сотни в каждом уезде Рязанской губернии... в одной Жолобово-Борковской волости Сапожковского уезда с 1863 по 1874 гг. 15 случаев»⁹². То, что от брака в последний момент чаще отказывались невесты, подтверждают материалы волостных судов. Например, крестьянин с. Сараи Сапожковского у. Рязанской губ. Александр Жалыбин обратился в суд с жалобой на крестьянина того же села Ивана Головнина в том, что сосватал у Головнина за своего сына его дочь Татьяну, на что «употребил вина 1¼ ведра, 1½ пуда говядины, 2 курицы, 4 фунта кренделей», что стоило ему около 10 рублей. Однако после этого дочь Головнина заявила, «что не пойдет замуж за его сына Василия и вовсе замуж не желает, между тем в тот же день просваталась за крестьянина с. Кривского»⁹³. Сходная ситуация возникла как-то и в с. Борец того же уезда, где крестьянин Степан Негодяев вынужден был оправдываться в ответ на жалобу Алексея Попова: «в замужество, хотя он и просватал дочь за сына Попова, но она идти не желает»⁹⁴.

Редкий случай отказа жениха от невесты нам известен по д. Кобылинские выселки Рязского у. Рязанской губ. 3 октября 1876 г. крестьянин д. Кобылинские выселки Козьма Алексеев заявил в суде, что в январе того года сосватал дочь у крестьянина той же деревни Дмитрия Иванова, после чего тот «начал говорить многим людям, что он дочь свою не отдает. После этого разговора крестьянин Кузьма не желает взять дочь Дмитрия Иванова и желает получить убытки, стоящие ему до 20 руб.»⁹⁵.

Несмотря на то, что чаще отказы следовали со стороны невесты, «бесчестье» ложилось и на жениха, и на невесту, т.е. на обе семьи. Нарушение брачного договора по инициативе девушки и ее семьи формировало общественное мнение не в их

пользу. Да и судебное разбирательство по поводу недостойного поведения невесты само по себе, а уж тем более решение в пользу пострадавшего жениха, наносило удар по ее репутации. Поэтому неслучайно, что во многих описаниях судебных тяжб сторона невесты старалась привести весомые аргументы в объяснение своего отказа – ради реабилитации в глазах общественного мнения. 8 ноября 1867 г. в Борецком волостном суде слушали «словесную жалобу» крестьянки Матрены Сергеевой на крестьянина с. Борец (Сапожковский у., Рязанской губ.) Якова Аникеева Щелокова в том, что Сергеева, сосватав у него за своего сына Алексея его дочь Настасью, «употребила при сватовстве на запое на харчи и разные издержки 3 руб. 70 коп., но после крестьянин Яков Щ. от выдачи его дочери в замужество отказался и издержек ей не возвращает». Ответчик объяснил, что «по дошедшим до него слухам о дурном поведении жениха... он отдать дочь свою в замужество не согласен». Он обосновал свое решение так, что оно не выглядело спонтанным, но закономерным следствием изменившихся обстоятельств⁹⁶. Переложить всю ответственность за срыв свадьбы на сторону жениха пыталась и мать невесты Федосии Никитиной (с. Борец Сапожковского у. Рязанской губ.), просватанной за крестьянина Федота Андреева из соседнего села (с. Большие Можары). Она заявила, что ее дочь «замуж идти не желает, потому что отец жениха сначала сказал, что у него есть своя земля для усадьбы, но после оказалось, что у него нет, и живет он на чужой усадьбе»⁹⁷.

Обычно судебные иски предъявляли родители жениха и невесты, но иногда в суд обращалась и сама девица. В частности, 11 октября 1873 г. Боейковский волостной суд (Данковский у. Рязанской губ.) рассматривал иск крестьянской девицы с. Мышенки Агафьи Никифоровой: «засватал ее крестьянин того же села Савелий Нефедов в 1872 г. в декабре месяце и, не окончивши дело, сделал ей несколько оскорблений, воспреещал шутить и играть, и делал угрозы, а в настоящее время мать ее, Прасковья Кирьянова, хотя и желала отдать, но она выйти за него замуж не желает». Ответчик Нефедов показал, что он

⁹¹ АРГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11. Л. 48, 50.

⁹² Крюкова С.С. Указ. раб. С. 111.

⁹³ ГАРО. Ф. 545. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–20.

⁹⁴ ГАРО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

⁹⁵ ГАРО. Ф. 441. Оп. 1. Д. 2. Л. 18–19.

⁹⁶ Там же. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–40.

⁹⁷ Там же. Д. 3. Л. 46–47.

Знак нагрудный должностной «Волостной судья».
Российская империя. Конец XIX в.
Лифляндская губерния. Бронза

«желает взять в замужество Никифорову и на это он потратил более 20 руб. сер.»⁹⁸. В итоге на семью девушки все же было наложено взыскание в размере 16 руб. в пользу семьи жениха, несмотря на превентивную попытку с ее стороны обвинить жениха и тем самым найти оправдание своему «бесчестному» поведению и избежать выплаты денежной компенсации.

Современники, наблюдавшие и описывавшие крестьянский быт и нравы, отмечали «неприятное всегда для крестьянина хождение по судам»⁹⁹. В этом контексте рассмотренные нами обращения крестьян в суд заставляют задуматься о важности для них тех явлений, ради которых они готовы были преодолеть барьер отчуждения между собой и судебной инстанцией. Активность крестьян в подаче исков с жалобами «на бесчестье» объяснялась современниками-правоведами по-разному: одни указывали на их прагматическое стремление таким способом получить с

обидчика денежную компенсацию, другие акцентировали нравственный аспект таких исков – восстановление оскорбленного достоинства. В пользу второго аргумента приведем еще один пример судебной тяжбы. 7 июля 1861 г. дворовый человек госпожи Нарышкиной Василий Ефимов объяснил Старобокинскому суду Ряжского у. Рязанской губ., что сосватал за своего сына Ивана у крестьянина Андрея Кирилова его дочь Веру, однако тот уже после скрепленного ими договора просватал ее вторично к крестьянину Андрею Акинфьеву, а ему отказал неизвестно почему. Ефимов просил «приказать Кирилову *счесца* (счесться – К.С.) с ним по совести за нарушение им словесного договора». Кирилов признал себя виновным: «испрашиваю от Василия Ефимова христианского прощения за сделанный им противу его поступок, который, снисходя к его просьбе, начатое им дело просил производством прекратить безо всякого с Кирилова взыскания. Дело завершилось мировой сделкой тяжущихся без каких-либо денежных компенсаций»¹⁰⁰.

Использование крестьянами различных инструментов как устного, так называемого обычного (общинного и семейного), так и писаного (волостной юстиции) права для поддержания статуса «доброго имени» свидетельствует о его большой значимости в повседневных коммуникациях деревни. А комплекс архивных документов позволяет раскрыть многообразие защитных механизмов чести в типичных, повторяющихся коллизиях деревенской жизни и свидетельствует о нарастающей в крестьянской среде второй половины XIX в. тенденции обращения к официальной юстиции с целью восстановления запятнанной репутации.

Сохранившиеся в судебной документации материалы, вне зависимости от того, чего добивались крестьяне, – возмещения материального или морального ущерба, – существенно детализируют и дополняют палитру крестьянских представлений о понятиях «девичья честь» и «бесчестье». Рассмотренные нами судебные источники вкупе с описаниями современников дают почву для пересмотра прежнего однобокого толкования крестьянской девичьей чести. Они позволяют уйти от узкой и однолинейной, сугубо физиологической/телесной трактовки девичьей чести в историографии. Устоявшаяся корреляция понятия «девичья

⁹⁸ Земцов Л.И. Волостной суд ... С. 270.

⁹⁹ Русские крестьяне. Указ. соч. Т. 4. С. 29.

¹⁰⁰ ГАРО. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

честь» с таким неременным качеством, как ее девственность, представляется уже не столь строгой и обязательной. Во второй половине XIX в. целомудренность уже не является категорически неотъемлемым признаком чести, превращается в некую идеальную норму, отход от которой возможен под влиянием целого ряда факторов (ориентация на город и неземледельческий труд, расширение коммуникаций деревни с городом, размывание прежних крестьянских устоев и ценностей и пр.). Даже обрядовые свадебные действия, направленные на утверждение, прославление и защиту девичьей чести или, напротив, порицание бесчестия, утрачивали связь с реальностью и играли символическую роль.

Телесная/физиологическая составляющая переставала быть единственным и исключительным маркером девичьей чести. Одновременно и в понимании бесчестия нарушается корреляция с греховностью: категория постепенно утрачивает смысл греха и все чаще обозначает оскорбление личности. Пусть необходимость сохранения девичьей чести, заложенную христианской и пестуемую крестьянской традицией, все еще продолжали отстаивать, само понятие «девичья честь» обретает в повседневной жизни деревни рассматриваемого нами периода новые узнаваемые черты, связанные с иным осознанием молодым поколением женщин собственного личного достоинства.

